

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■

■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ:

ДИАЛОГ В КЛЕТКЕ

Венские соглашения и цензура

АПОЛОГИЯ СОЦИАЛИЗМА

Кредо Гарри Каспарова

ЧЕЛОВЕК КАК ЦЕННОСТЬ

Урок тбилисских убийств

ISSN 0320 8001

7/89

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

2

Проблемы и суждения

**А. НУЙКИН. ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ — ЭТО И
ЕСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ**

7

Мы: страна в движении

**Г. КАСПАРОВ, Л. МАЛКОВ, С. ПАЧИКОВ.
АПОЛОГИЯ СОЦИАЛИЗМА**

11

Наши интервью

БЫТИЕ НА ГРАНИ

15

Досье «Вена»

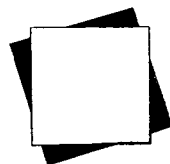
**СОФИЯ: ЗА НАШУ И ВАШУ ГЛАСНОСТЬ
МОСКВА: ВМЕСТЕ!**

22

Круглый стол

СЛОВА И САНКЦИИ

24

«Уважаемая редакция...»

Так сошлось, что этот номер верстался в разгар дискуссий на Съезде народных депутатов СССР. Редакция ожидает, что почта следующего номера отразит размышления наших читателей в исторические дни мая 1989 года.

Не страшитесь!

Бюллетень, который вы издаете, наиболее понятный и доходчивый из всех тех публикаций, которые я читал в последнее время. Его цель замечательна — **Мир**.

Темы, которые затрагивает журнал, отражают доброту тех, кто пишет, поднимают вопрос о необходимости быть братьями друг другу, жить в мире и спокойствии.

Именно мы, люди, создаем оружие, мы же и ведем разрушительные войны. Отсюда следует, что мы сами себе враги, что наш мозг не способен правильно думать, творить добро.

Каждый человек — это мир противоречий, в большинстве случаев мы не можем отличить хорошее от плохого, друга от врага. Но хуже всего то, что мы предполагаем, что умеем делать это, и в результате поступаем плохо.

Не надо винить общественные режимы в том, что позабыта наша культура, наши европейские, азиатские, африканские или американские корни.

Во всем виновата наша мать-природа, наделившая нас плохими инстинктами, которые не могут одолеть никакие внешние силы. Последние могут, правда, ослабить наши дурные свойства, но едва ситуация

изменяется, как те снова заявляют о себе.

По мере того, как продолжается жизнь, развивается общество, противоречия усиливаются. Но мы не должны терять веру, наоборот, обязаны проявить наш интеллект, чтобы попытаться найти какое-то решение для мирного существования.

Есть древняя формула, которая просуществовала тысячи, миллионы лет: **испытывать страх перед всем и всеми**. И есть другая формула: не страшитесь!

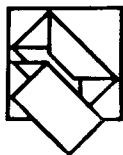
Жизнь необратима. Развитие нашего общества сопровождается многочисленными противоречиями, в результате чего мы проложили путь, полный зла. Необходимо открыть глаза, чтобы увидеть реальность жизни. И если вы ее сможете понять, тогда, может быть, вам удастся отыскать формулу мира для грядущих поколений.

Михаил Горбачев продемонстрировал свой глубокий ум, когда поставил вопрос о сокращении военных средств, о новом мышлении.

Мир достигается только миром.

Успехов вам на этом пути.

Серхио Родригес ВАЛЬДЕС,
Куба.

Близкие издалека

Я мать-одиночка. Думаю, мне не надо подробно описывать, в каких условиях находятся такие, как я и моя маленькая дочка. Без помощи мы просто бы погибли. Я и обращалась за помощью, куда только могла. Мои письма шли в газеты, журналы, комитеты общественных организаций. Это оказалось напрасной тратой денег на почтовые расходы. Вся помощь, которую удалось получить, — это две пары старых ботинок, которые дали моему отцу, инвалиду 2-й группы. Он был благодарен и за это!..

Тогда я обратилась к добрым людям за границей. Я даже не знаю, к кому попали мои письма, где они были опубликованы и были ли опубликованы вообще. Но вот на днях мне пришел перевод на полторы тысячи рублей — это больше, чем мне выплатят пособие за три года. Перевод послала неизвестная мне Татьяна Петровна из Франции. Ко мне пришли теплые слова поддержки и утешения от человека, неравнодушного к бедам далеко живущих людей.

Я не еврейка, и у меня нет родных за границей. Но из Израиля мне и моей дочери пришли вызов с обязательством оплатить все расходы по

переезду. И я благодарна тем, кто вопреки всему согласился считать меня родной, дал мне почувствовать, что хотя бы в другой стране я нужна.

Я не хочу покидать свою страну, но почему, почему мне на каждом шагу дают почувствовать, что мы с дочерью никому не нужны? Мне стало известно, что мне не могут прислать посылки с детским питанием и детскими вещами — власти моей страны не дают это сделать.

Мне стыдно за свою Родину. Меня, наверное, с полным основанием можно назвать легкомысленной, безалаберной. Но когда моя дочь вырастет, я смогу сказать ей, что какой бы плохой я ни была, я была в тысячу раз лучше, чем те «соотечественники», которые равнодушно читали мои письма и присылали мне издевательские отписки.

Я могу гордиться, что у меня хватило смелости на слова благодарности, на слова совета тем, кто находится в таком же ужасном положении, как и я. Хотя у меня нет никакой надежды, что это письмо будет напечатано хоть в какой-то советской газете.

Ася ФОМЧЕНКО,
г. Ленинград.

Оскал космополита

В статье «Идеология общего дома» Гасан Гусейнов подменяет аргументы уверениями, научное понятие космополитизма — собственным построением, а затем дает знать: космополитизм — это очень хорошо. Согласно Гусейнову, космополитизм отменяет собственность этноса на территорию. Сионистский Израиль так и сделал: отменил собственность

Палестины на территорию. Патриотизм и интернационализм толкуются как ограниченная идеология, в рамках которой «имеющий более древнюю или более развитую культуру снижает уровень своего развития до запросов менее цивилизованного соседствующего большинства и т. п.». Почему же патриотизм ведет к упрощению культуры малого этноса?

Темна вода... Ясно: долой патриотизм как одностороннюю крайность. «Самосознание «хозяина державы» в конечном счете, — гремит Гусейнов, — превращает человека в хама, рвача, алчного потребителя...» Мировой опыт хозяйствования учит обратному: реальное положение и самосознание хозяина превращает человека из исполнителя в творца. Но Гусейнову не до фактов. Он уже выбрал мишень и стреляет заключительной фразой: «Тот, в ком космополит победил патриота, уже никогда не

станет зверем». Выходит, патриоты — это потенциальные звери! Видать, очень раздражает Гусейнова растущее патриотическое движение за процветание Отечества, зверство этатское. За улыбкой космополита скрывается оскал патриофоба. Космополитизм и патриотизм соотносятся так же, как суконный эсперанто и живой национальный язык.

Сергей ГОНЧАРОВ,
кандидат философских наук,
г. Свердловск.

Театральный роман

Я, как бывший узник, хотел бы поведать о некоторых фактах истории Норильского лагеря НКВД периода сталинского произвола.

Пару слов о себе. По замыслу наркома Серго Орджоникидзе, на железнодорожном узле Верховцево строилась механизированная сортировочная горка, на которой производилась сортировка вагонов с кривокожской рудой для металлургических заводов. Стройка считалась важной и курировал ее сам Серго. А меня назначили сюда парторгом ЦК ВКП(б). На похоронах Серго Орджоникидзе я был в составе делегации днепропетровских большевиков. Ну, а в 1937 году меня репрессировали как «врага народа». С того периода начались 18 лет тюремных застенков, политизоляторов, централов, этапов, лагерей и ссылок. Провел я их рядом со многими невинными людьми.

В 1939 году нас из Елецкого политизолятора, измученных режимом, цингой и дистрофией, привезли в Красноярскую пересыльную тюрьму. Оттуда погрузили на деревянные баржи, оборудованные восьмьюрусными нарами. И на буксире колесного парохода «Мария Ульянова», вслед за ледоходом, повезли по Енисею в Дудинку.

Этот этап длился два месяца. Кормили затирухой: смешивались вода

из Енисея, соль и мука. Весь рацион составлял по три черпака на душу. Вместо посуды каждый получал свой черпак затирухи — кто в ботинок, кто в фуражку, шапку, рукав или в полу пиджака. Не получил — издыхай. Алюминиевые ложки отобрали, а деревянных не дали. Поэтому кушать приходилось по-собачьи — языком вылизывать содержимое. Воды, кипятка и хлеба — не давали.

В барже около 600 эзков. На каждом этаже нар оправка, которую раз в сутки подавали через люк на палубу и выливали за борт. Так как бочки не были оборудованы ручками, они часто соскальзывали из рук слабых людей, опрокидывались на нары, постели и нам на головы.

Люди на глазах умирали от отсутствия воздуха, воды, человеческой пищи и от антисанитарии. Трупы умерших не выдавали на палубу конвоем до полного разложения. Почему? Это давало возможность получить на усопших три черпака затирухи в сутки. За два месяца одна только наша баржа потеряла более 150 человек.

По прибытии в Дудинку мало кто по трапам через льдины мог выйти на берег — в основном выносили и клали на землю вечной мерзлоты Таймыра. А здесь к цинге и дистро-

фии добавлялось еще и воспаление легких.

И снова начались потери среди живых «трупов»: этому способствовал «освежающий» таймырский порывистый холодный ветер, дующий на истощенных и полураздетых людей. Выжившие запомнят ветерок тот на всю оставшуюся жизнь. Очень хотелось, чтобы про все это знало новое поколение советских людей...

Норильск запомнился нам рудником Морозова, зонами палаток шестого и второго лаготделений, бревенчатым домиком легендарного геолога Урванцева и добротным двухэтажным домом НКВД. На работу нас погнали строить в первую очередь тюрьму для себя, а вольнягам — дома и коттеджи, также долбить фундаменты в вечной мерзлоте для ТЭЦ... Впрочем, и других работ хватало.

Первые годы трудились только на общих подконвойных работах, как тогда говорили — «иди и не вертуйся». Однако мне, в отличие от других, повезло. В моем лаготделении жила бригада музыкантов духового оркестра, создателем и руководителем которого был заключенный — композитор Сергей Федорович Кайдан-Дешков, автор пионерского гимна «Взвейтесь кострами». С детских лет я рос в музыкальной семье и играл на трубе. А оркестру как раз требовались трубачи, и Кайдан пригласил меня в клуб-барак.

Проверил мои музыкальные способности. Там же он рассказал, что осужден тройкой по статье 58—10 сроком на 10 лет. В Норильск его привезли в 1935 году. В оркестре он один политический, а все музыканты — бытовики (воры, бандиты, аферисты, мошенники и др...) Политических к ним не берут. Но так как им остро требуется трубач, то он попробует добиться, чтобы меня взяли в оркестр. Все музыканты работали на «блатных» работах — они не враги народа, а бытовики-«друзья». Оркестр обслуживал в первую очередь вольняг, главным образом работников НКВД. Как раз через НКВД Кай-

дан и добился разрешения допустить меня, политического, еще не разоблачившегося врага народа, играть в оркестре. Оркестр часто играл на увеселительных вечерах работников НКВД, танцах, похоронах вольняг, торжественных праздниках комбината и других мероприятиях. Все музыканты, так называемые друзья народа (в отличие от нас — «врагов народа»), были расконвоированы. Кроме, конечно, Кайдана и меня. На каждый выход из зоны к нам двоим представляли «попку» с наганом.

Я же работал еще и на общих работах: шахтерах, грузчиком угля, рабочим в геологической бригаде — рыл шурфы... В те дни, когда нужно было играть с оркестром, меня на полдня освобождали от общих работ и под персональным конвоем доставляли с трубой на культурно-увеселительные мероприятия.

Потом появился даже театр, ибо к нам начали поступать из этапов такие музыканты, как Бачеев Иван Александрович, бывший руководитель джаза Цфасмана (осужден тройкой по статье 58—10, срок—10 лет), Сергей Дягель — дирижер, виолончелист, впоследствии работал в Свердловском оперном театре. Художник театра Лев Хоменко — осужденный за то, что родился на КВЖД. В полном составе Львовская хоровая капелла под руководством Драгана. Меццо-сопрано латвийской оперетты Ирина Крыто. Стихи Пушкина читал у нас спортсмен, пловец Валерий Бурэ. Работал и знаменитый эстонский пианист Уно Томбрэ. Зачислили в ансамбль цыганских танцоров и много других музыкантов, фамилии которых, увы, я уже и не помню.

Мы давали концерты для заключенных, вольных в лаготделениях и на заводах, а жили на хлебном пайке и небольшом приварке. А после войны таким же этапом меня отправили отбывать срок тюремного заключения (четыре года) в Александровский централ...

Извините за плохое изложение: писать я не умею. Рассказать о го-

дах, проведенных в Норильском лагере НКВД, о себе и людях могу значительно больше. Очень жаль, что не смогу оставить всего, что знаю, для будущей истории Норильска периода репрессий и беззакония: мне

уже 78-й год. Мы постепенно уходим в небытие.

Виталий БАБИЧЕВ,
ветеран партии и труда,
почетный железнодорожник,
г. Киев.

Ищем личных контактов

Всеми доступными нам средствами мы, члены маленькой организации в Великобритании, хотим способствовать укреплению мира между Востоком и Западом. Многим из нас удалось посетить Советский Союз, мы пытаемся организовать обмен группами студентов и школьников и были бы рады принять у себя гостей из СССР.

Диалог в письмах, как нам казалось отличный способ укрепить взаимопонимание, но те, кто пробовали его наладить, не всегда добиваются успеха. С учетом того, что мы все заняты на работе, в семье, в общественной жизни, а также языковых трудностей, результаты переписки порой оказываются удручающе низкими. Может быть, через ваш журнал удастся успешнее найти людей, с которыми я и еще два члена нашей организации могли бы переписываться. Наши адреса:

Doreen Attwood (64), a Quaker, member of C. N. D., has pen-friends in Dresden, G. D. R.

Address: 1, North Lodge,
Allonby,
Maryport,
Cumbria, CA 15 6QQ

Nora Kingbourn (68) agnostic, interests art history, international relations, theatre, literature

Address: 30, Highland Road,
Chichester,
West Sussex,
PO19 4QT

Liz Warren (47) learning Russian, interests: world peace, music (especially piano), nature, male/female dichotomy, reading, travel

Address: 2, Rydon Gardens,
Bishopsteignton,
Teignmouth,
Devon, TQ14 9PP

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ — ЭТО И ЕСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Да простят меня родные изуверски убитых в Тбилиси, но из серии фотоснимков, опубликованных вскоре после событий «Московскими новостями», самое тягостное впечатление на меня произвел даже не тот страшный снимок, где запечатлено лицо матери, не способной уже и плакать, а тот, где сфотографированы четверо «победителей» в бронежилетах, ведущих по улице столицы Грузии молодого грузина и молодую грузинку. Мужчина с руками на затылке смотрит прямо в объектив, и столько в этом взгляде попранной чести и оскорбленного достоинства, что смотреть в его глаза больно, хочется просить прощение за налоги, которые я тридцать шесть лет плачу на содержание армии. Женщина идет, гордо подняв подбородок, но опустив в землю глаза. Оба из всех сил стараются переплавить свое унижение в презрение, и частично им это удается. Но только частично.

Обоснованно выплескивая сейчас свой гнев по поводу физических жертв кровавого воскресенья, мы, похоже, не оцениваем в полной мере трагизм жертв духовных — ту меру оскорбления, которое было нанесено нашей военщиной гордому грузинскому народу. Особенно — мужской его части.

Всех нас поразило, что из шестнадцати убитых возле Дома правительства — четырнадцать женщин. Самой старшей семьдесят лет, двум младшим — по шестнадцать. Одна из женщин ждала ребенка. Увы, оказалось,

так получилось по воле слепого случая. И даже не только потому, что садисты всегда предпочитают кромсать женские тела. Многим юношам и мужчинам (использовав недолгое сопротивление, оказанное убийцам заранее разоруженной милицией и демобилизованными «афганцами») удалось прорваться сквозь сжимавшееся кольцо спецвойск и десантников. Позже, отвечая на вопрос: «Как же вы бросили в такую минуту женщин и девочек?» — они с отчаянием оправдывались тем, что никому просто в голову не могло прийти, чтобы у солдат поднялась рука на женщин.

Объясните вы, которые сочиняли Указ о спецвойсках, как этим грузинским мужчинам теперь жить с сознанием, что они не смогли защитить своих женщин? К прочим виновникам я ни с какими вопросами обращаться не собираюсь. Ни к тем инструкторам и стратегам, которые свой комплекс неполноценности, сформированный у них при встречах с афганскими мужчинами, решили, видимо, преодолеть, одержав «героические» победы над грузинскими девочками и старушками. Ни к тем, что так ретиво исполняли их преступные приказы. Пусть им вопросы задают следователи по особо опасным уголовным делам, профессия которых вынуждает их быть не брезгливыми.

Мой разговор сейчас о другом — о том, что нам, разучившимся уже ужасаться любым преступлениям против

человеческого тела, пора начать, наконец, учиться ужасаться и преступлениям против человеческой души. Они ничуть не менее болезненны и ничуть не менее губительны по последствиям.

Многих публицистов, без колебаний вылезших из окопов при первом зове боевой трубы, пропагандисты суловской школы навеки заклеили как осквернителей духовных колодезцев, разрушителей святынь, идеологических диверсантов, пытающихся жадной наживы подорвать веру в светлое будущее. Право слово, читая иные речи и «письма трудящихся», ощущаешь себя угодившим неароком в Королевство кривых зеркал, где все повернуто задом наперед и кверху ногами.

«Избирательная кампания показала еще недостаточно высокий уровень политической культуры некоторых слоев общества, неумение их пользоваться демократией... Почему-то многие демократию восприняли как вседозволенность, как делегированное им право не считаться с нашими правовыми, моральными и нравственными нормами», — выражает на апрельском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС свое недовольство итогами выборов председатель Моссовета В. Сайкин.

Кандидатом в народные депутаты меня выдвигали коллективы и собрания жителей в трех московских и одном подмосковном округе. Так что об уровне политической культуры и уважении к «правовым, нравственным и моральным нормам», по крайней мере, в шести подведомственных тов. Сайкину районах знаю не с чужих слов. А уровень наглости в фальсификации «выборов» выборщиков на окружном собрании Пролетарского округа, уровень запугивания непокорных инициативных групп, уровень клеветы, вранья, дирижирования околоаппаратной челядью, уровень беззакония в запретах и разгоне предвыборных митингов и манипулирования бюллетенями в ходе голосования можно, наверное, признать выдающимися. Так что, если тов. Сайкин, негодуя по поводу недостатка политической культуры, претензий на вседозволенность, нежелание считаться с законами и нормами нравственности, имел в виду аппаратчиков подве-

домственных ему районов, то с ним трудно было бы не согласиться. Но в том-то и парадокс, что гнев его адресовался избирателям Москвы, впервые в истории советской власти попросивших отнестись с доверием к соответствующим статьям советской конституции. Такие вот получают наши «нравственность и политическая культура». Очень они расходятся, как видите, с ненашими, теми, что приняты в остальном мире. В каком это «остальном»?! Тут-то меня, разумеется, и поймают на слове. Тут-то и выведут на чистую воду, обнародовав тайный замысел протащить под видом борьбы за общечеловеческие ценности смертоносную буржуазную идеологию, нехудо научившуюся коварно скрывать свою классовую ядовитость под маркой общечеловеческого.

Недаром В. Сайкин на пленуме забил тревогу по поводу того, что «под видом приоритета общечеловеческих ценностей» у нас в ходе перестройки началось «бездумное перенесение на нашу социалистическую почву» чужих вредных семян.

Это не частное высказывание и не случайный поворот. Признание приоритета общечеловеческих интересов и ценностей перед лицом классовых, групповых, национальных, региональных — ключ к «новому мышлению», к которому призвал страну и мир XXVII съезд КПСС, это одно из наиболее важных, принципиальных и реальных достижений перестройки. Проходить молча мимо любой атаки на данный принцип мы не вправе.

Цену игнорирования закона стоимости, товарно-денежных отношений, принципа материальной заинтересованности, экономической и правовой самостоятельности товаропроизводителя на том основании, что они буржуазны и вредны в условиях социализма, мы уже в какой-то мере (пусть и не до конца) осознали. Нищетой, экономической и технической отсталостью пришлось заплатить нам за верность «чистоте» социалистических принципов в сфере материальной.

Думается, что псевдосоциалистическая демагогия в сфере духовной обошлась нам еще дороже, только слиш-

ком уж неуловимая это субстанция — духовность, ее трудно измерять даже в том случае, когда она есть, отсутствие же ее легко вообще не заметить. А то даже и гордиться можно начать этим отсутствием, к которому де социализм нас всех почему-то обязывает.

Вспомним, в каких именно случаях совсем еще недавно в наших официальных формулировках мы употребляли словосочетание «социалистическая демократия»? Увы, обычно именно в таких, когда просто о демократии (без добавления эпитетов) говорить было неприлично. Вот сейчас-то мы можем заявить: «Больше демократии — значит больше социализма!». Просто демократии больше, не какой-то там особой, другим народам не ведомой. Ибо поняли мы на собственной шкуре: социализм без демократии не вытанцовывается. Если уж он когда-нибудь возникнет, то только как высший этаж ее, демократии, только как ее высшее качество.

А когда мы прибегали к выражению «социалистическая законность»? Тогда, когда обнаруживался катастрофический дефицит просто законности, хоть какой-нибудь законности.

И термин «социалистический реализм» наши казенные эстетики столь горячо отстаивали и «философски обосновывали» именно потому, что им мечталось возвести в непроходимый эталон произведения, с понятием реализм просто несовместимые.

Совестливость, доброжелательность, терпимость мы клеймили как проявления «абстрактного» (буржуазного) гуманизма. «Конкретный» же (социалистический) был «лучше» лишь тем, что оказывался совместимым с официальным признанием полезности пыток, законами, требующими расстрела двенадцатилетних, высылкой целых народов и т. д. и т. п.

О «защите чести мундира» мы говорили обычно только тогда, когда сталкивались с фактами защиты бесчестья его...

Загадочная последовательность во вкладывании в слова смысла, прямо противоположного общепринятому, не правда ли? И все, заметьте, под флагом утверждения социализма и борьбы

с опасной для человечества буржуазной идеологией.

Дела давно минувших дней? Если бы! «Не санкционированные» клерками из райисполкомов митинги и демонстрации мы уже начали покорно трактовать вслед за аппаратчиками как «незаконные». Хотя незаконными являются в девяности случаях из ста запреты, обращающие в фикцию гордые статьи нашей самой демократической в мире конституции.

Мужчины и женщины, мирно идущие по улице с лозунгами в защиту перестройки, читающие коллективно «Отче наш», поминающие в скорбном молчании отцов и дедов, замученных в сталинских застенках, у нас именуются экстремистами, а молодчики, по приказу фактически не выбиравшихся народом властей, молотящие мирных граждан дубинками, выкручивающие им руки, травящие их газами, рубящие лопатками, — «силами провонорядка»!

Столь же перевернуто все с ног на голову и тогда, когда сторонников перестройки отчитывают за «попытки разрушить святыни», лишить неискушенную молодежь былых светлых идеалов.

— В учебниках истории оклеветана ленинская гвардия, — говорим мы. — Она не состояла сплошь из наймитов буржуазии, убийц и диверсантов!..

— Не очерняйте историю! — грозно одергивают нас в ответ трубадуры «героического прошлого», готовые как угодно (на практике) очернить и революцию, и большевиков, лишь бы образ палачей и доносчиков более поздних времен оставался «светлым».

— Социализм не совместим с нищетой, эксплуатацией, тюрьмами, концентрационными лагерями, пытками, бесправием народа и полной его отстраненностью от управления обществом, — говорим мы.

— Не клеветайте на социализм! — следует и тут окрик. Получается: совместим! И это происходит, как отстаивание «светлых идеалов социализма».

— Павлик Морозов — несчастная жертва преступной сталинской политики, — говорим мы, — на его во многом выдуманном примере воспитали тысячи и тысячи реальных доносчиков, не только предававших, но и возводивших кле-

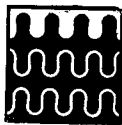
вету на своих отцов и матерей, помогавших создать в стране гнетущую атмосферу всеобщей подозрительности и доносительства.

— Вы пытаетесь лишить юную нашу смену героических маяков,— бьют в набат дамы из пионерско-педагогических сфер и еще более крупными буквами впечатывают имя Павлика Морозова на первой (!) странице Книги почета Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина. Таким манером «святыня» доносительства освящается святыней памяти вождя. Дамы со святящимися лицами гордо поглядывают на нас из президиумов всяких юбилейных собраний и «книжных недель»: святыни спасены! А ведь на деле они разрушают их последние обломки.

Так может быть, все же пора нам остановиться и задуматься, не покоряясь бешеному напору своекорыстных полуграмотных демагогов и иссыхающих от непомерного усердия угодить начальству истеричек? Или и дальше будем важнейшие, благороднейшиеобретения человеческой духовной культуры, в выработках которых сотни поколений наших предков вложили лучшие порывы своей души (я имею в виду такие качества, как честь, совесть, свободолюбие, терпимость, милосердие, верность дружбе и т. д.) клеймить как

фетиши буржуазной идеологии? Конечно, от подобного подарка ни один буржуазный идеолог не откажется, только стоит ли нам быть столь щедрыми? Ведь дарить-то тут мы пытаемся то, что хоть и формировалось с участием буржуазии (вспомним: лозунги свободы, равенства, братства появились на знаменах буржуазно-демократических революций!), но достоянием-то являются общечеловеческим. Вытравите эти ценности из душ людей, не коммуниста вы будете иметь, лишенного буржуазности, а дикое существо, лишенное человеческой культуры. Общечеловеческое, собственно говоря,— это и есть человеческое. Приоритет общечеловеческого, стало быть, есть приоритет человеческого в человеке. Неужели важность такого «приоритета» еще кому-то надо доказывать?

Надо. Потому что, если даже исчезнут охотники оспаривать его в общем теоретическом виде, охотников ставить под идеологическое сомнение каждое его конкретное проявление на наш век хватит. В связи с чем мне и хочется здесь вычленить и воспеть одну из недооцениваемых нами, но ключевую во многих отношениях для процесса нашего духовного возрождения «буржуазную» ценность. Ту, что вынесена в заглавие статьи.

Гарри Каспаров,
Леонид Малков,
Степан Пачиков

АПОЛОГИЯ

СОЦИАЛИЗМА

СОЦИАЛИЗМ КАК АЛЬТЕРНАТИВА

Социализму в СССР нет рациональной альтернативы. Опасность же иррациональной альтернативы, ее угроза настоящему и будущему достаточно серьезна. Одна из причин этого — потеря преемственности: культурной, экономической, социальной.

В рамках нынешних разоблачений, прошлое выглядит тотально загубленным. Незаметны маленькие ручейки, которые можно было бы сделать своими предшественниками и обеспечить связь времен. Подобно тому как Возрождение объявило себя преемником далекой Античности, отвергнув предыдущий период как Средние (темные) века, так и общественное сознание в Союзе, теряя опору, начинает искать ее во все более далеком, мифологизированном, дореволюционном прошлом.

Октябрьская революция опиралась на национальные меньшинства. Представители разных наций увидели в социализме возможность стать наконец действительно равными. Страна перестала быть Россией. Лозунг Союза народов был очень привлекателен для меньшинств. Социализм (особенно в его ранней форме) крайне интернационален. Вакуум социалистических ценностей ведет к реанимации национальных, но и есть опасность вырождения их в национал-социалистические — что повело бы к дезинтеграции многонационального государства.

Другая проблема социализма в СССР, как ни парадоксально, — потеря чувства уникальности. Для России чувство уникальности одно из важнейших в национальном самосознании. Социализм в России лег на эту основу. Долгие го-

ды население знало, что мы первопродцы, у нас совершенно особая, невиданная в мире социальная система.

Чувство уникальности и связанная с ним гордость позволяли жить без комплекса неполноценности к другим странам, даже если там жизнь была богаче: они богаты, зато мы самые лучшие, самые чистые, самые-самые.

Если в результате происходящих перемен ореол уникальности исчезнет, то это станет (уже становится) национальной драмой. Зачем все лишения, если в итоге страна возвращается к общемировым стандартам, и по всем им оказывается далеко не первой?

Весьма трагично, что экономическая реформа в СССР пока не имела ни одного заметного успеха. При этом появились новые явления, которые многими воспринимаются как негативные: рост цен, в том числе за счет кооператоров, угроза безработицы, признаки массового обогащения за счет спекулятивных операций, к чему долгие годы развивалась ненависть населения, увеличение дефицитов и т. д. и т. п.

Ведь СССР сегодня не имеет оригинального пути экономического развития. Разные предложения, как правило, идут с отсылками на опыт таких стран, как Венгрия, Китай, Югославия и т. д. Но опыт Венгрии и Югославии не так уж и привлекателен: падение жизненного уровня, инфляция, безработица, забастовки и т. д. В Китае успехи реформы поистине удивительны, но китайцы — это люди, чье трудолюбие является устойчивым свойством их тысячелетней цивилизации.

При этом довольно высока вероятность, что переход к «псевдорыночной»

экономике породит крупномасштабный экономический кризис. Надо не забывать, что у нас, в отличие от Запада, нет опыта и механизмов борьбы с такими крупными кризисами.

Наше культуроощущение (как часть мироощущения) — фактор сильной духовной нестабильности, которая, в случае совпадения с экономическим кризисом, может привести к социальному взрыву с непредсказуемыми последствиями. Это и будет иррациональная альтернатива, которую надо стремиться избежать всеми силами.

Итак, мы убеждены в том, что в стране чрезвычайно нужна стабильность.

Мы полагаем, что общая стабильность базируется на культурной преемственности.

Мы верим, что такая культурная преемственность может быть обеспечена на основе социалистических ценностей, которые глубоко вошли в быт.

РЕАБИЛИТАЦИЯ СОЦИАЛИЗМА

Сталин, хотя он и полагал прямо обратное, подорвал веру в социализм. Помимо этого, он на долгие годы уничтожил возможность его строить.

Социализм должен быть многообразным, многоукладным, многоплановым, воодушевляющим и радостным общественным строем. Но для такого его облика необходима колоссальная вдохновенная работа многих талантливых людей: такие люди в СССР были, и они хотели такой работы. Вместе с ними пулю в затылок получила и идея социализма.

Сегодня мы обязаны подчеркивать уничтожение не только людей, но и самого социализма. Только в этом шанс возрождения социализма, приемлемости его идеи.

Необходимо отказаться (и как можно скорее!) от тезиса, что при Сталине были огромные извращения, «не затронувшие существо социализма». Такой подход смертелен для идейной репутации социализма.

Мы обязаны добиваться реабилитации социализма. Этот термин точно описывает положение дел: пострадавший невинно, но имеющий право на жизнь, на

уважение, на признание, добивается этого права и его получает.

Но каким образом соотноси социализм с социализмом? Ответ может быть дан при признании принципа множественности моделей социализма. В том виде в каком он применялся и применяется в нашей стране, научный коммунизм не является наукой. И самое ненаучное положение — это тезис о единственно верном учении.

Необходимость утверждать, что при сталинизме суть социализма не претерпела коренных изменений, основана на предположении, что истинный социализм существует и единственен. Множественность моделей позволяет объявить сталинизм одной из них, абсолютно для нас неприемлемой, причем очень далекой от той современной модели, которую мы хотим построить. Появляется возможность сближать сталинизм с другими моделями «социализма»: национал-социализмом, маоизмом, полпотовским социализмом.

Признание множественности моделей социализма позволит, кроме того, обеспечить плюрализм социализма, расширить его спектр и значит увеличить число лиц, стоящих на платформе социализма. Ведь, ничто так не привлекает способных людей, как споры! Если в СССР нет социалистической оппозиции, ее следовало бы «придумать», то есть — создать!

СОЦИАЛИЗМ КАК «СВЕРХИНСТРУМЕНТ»

Почему социализм породил так много негативного?

Почему учение, для которого казалось бы на учете должна быть не просто каждая капля пролитой крови, но и каждая слезинка, оказалось столь удобно для самых кровожадных диктаторов?

В учении социализма несколько составляющих, остановимся на двух: моральной и инструментальной (операционной, то есть что, как и кому организовывать). Очевидно, что операционная часть передается, усваивается, реализуется намного проще, нежели моральная. Обучить другого человека тому, как нечто делается, несрав-

ненно проще, чем передать ему моральные ценности.

Социализм слишком молодое учение, моральная сторона которого не успела развиваться и получить незабываемое закрепление. В некоторых моделях моральная составляющая оказалась вытесненной на периферию сознания и вовсе выброшена вон. Постепенно социализм стал пониматься именно как набор инструментов для формирования общества и управления им. К числу таких инструментов, провозглашавшихся уже как самоцель, можно отнести: диктатуру пролетариата, национализацию, централизованное управление, общегосударственное планирование, однопартийную систему и т. д. и т. п.

Мощь этих инструментов воздействия на общественную жизнь оказалась крайне привлекательная для политиков с подавленным моральным иммунитетом.

Судьба социализма в XX веке в чем-то подобна судьбе физики атомного ядра.

Атомная энергия — мощнейшее средство. Она может быть использована для производства оружия, способного уничтожить весь мир. Она может быть использована в мирных целях, но и тут, при небрежном обращении, возможны катастрофы огромного масштаба. Можно верить в будущее атомной энергетики, можно его опасаться, но от самой идеи, опыта уже невозможно отказаться. Необходимо идти вперед, делая упор на развитие культуры безопасно обращения с этим инструментом.

То же — с социализмом. Социализм — это средство преобразования общественных отношений неслыханной силы. Силы разрушительной, если использовать ее без моральных ограничений, вне культурных целей и ценностей.

Следует признать, что роль моральной составляющей была недооценена теми, кто стоял у основ учения. Но, раз возникнув, этот мощный феномен уже никуда не исчезнет. Одна из важнейших задач развития новой модели социализма — это формирование мощной моральной составляющей, исключающей злоупотребление социализмом.

Итак, социализм — это мощное оружие преобразования, которое необходимо охранять. Охрана социализма — моральный иммунитет социалистов.

Несомненно, среди факторов, разрушающих личность при существующей модели социализма — необходимость участия во лжи. Невозможно создать стерильные условия жизни, при которых человек будет избавлен от выбора между правдой и благополучием. Такого рода выбор может укрепить личность лишь при условии, что неконформистский выбор правды ему по силам. Совесть требует от человека жить согласно признаваемой им морали. Постоянный компромисс со своей совестью деформирует и саму мораль.

Это проблема не только нравственная, но и экономическая. Привычка поступать с правдой отражается на всех сферах жизни общества, но в первую очередь, на науке и, следовательно, экономике. Гласность — это искоренение лжи из жизни людей.

СОЦИАЛИЗМ ПРОТИВ АНОНИМНОСТИ

Нелегко вспомнить за несколько десятилетий в СССР хотя бы одного действительно яркого, талантливого публициста по социально-политическим вопросам, который стоял бы на позициях социализма и придумал бы что-то новое. Сегодня в основном пропагандируются либо западные (рынок, материальное стимулирование и т. п.), либо национальные ценности. Где же талантливые сторонники социалистического пути.

Почему независимые специалисты, то есть те интеллектуалы, для которых пропаганда социализма не есть их прямая обязанность, настроены к социализму равнодушно и прохладно? Этот вопрос принципиален, так как будущее любого учения заключено в его способности привлечь таланты.

Ответ на поставленные вопросы нам видится таким: активная и интеллектуальная честная деятельность в рамках социалистической теории неперспективна, а порой и опасна.

Во-первых, догма единственно верного учения заставляет руководство особенно сурово относиться к «своим»

еретикам, в то время как пропаганда «западников», не воспринимаясь как покушение на сферу интересов пропагандистских ведомств, проходит почти безболезненно.

Во-вторых, в Союзе стало нормой считать, что чем правильнее мысль, тем более высокий начальник должен высказать ее как свою («право первой ночи с идеей»). Если идея не имеет отношения к теории социализма, то на нее никто не претендует, если же имеет — ее автор не имеет на нее прав. Она начинает циркулировать за закрытыми дверями и, возможно, однажды проскользнет в искаженном виде и без разумных оснований в чьем-то докладе.

Конечно, в таких условиях трудно представить себе талантливых людей, увлеченных развитием социалистической теории. Придерживаться несоциалистических взглядов в современном советском обществе для исследователя несравненно привлекательнее. Тут и право на авторство, и престиж нонконформиста, и независимость от официальных взглядов.

Сложившееся положение дел абсолютно нетерпимо, точнее оно должно быть таковым в новой модели социализма. Главная ценность в ней — личность, способная к самореализации в общественно привлекательных формах. А в существующем порядке мы видим подавление личности организацией, превращение ее в винтик.

Наше общество в вопросах идеологии и крупных хозяйственных решений возвело анонимность в культ. Мы не знаем, кто писал последние Программы партии, кто предлагал, кто отстаивал те или иные решения, идеи, постановления. Почему бы не объявить все идеологические находки, постановления, законы без авторов анонимками и не рассматривать их? Главное для руководителя не экспроприировать идею, а побудить у людей доверие к ней, интерес к социализму. Что же касается талантливых людей, то пропагандистские организации, вплоть до ЦК должны гоняться за ними, а не загонять их в угол.

Надо изгонять серость из политики. У нас много крупных предприятий, но ма-

ло крупных промышленников. У нас много крупных решений, но мало крупных организаторов. Решения о трате миллиардов принимаются так, что невозможно найти инициаторов и проверить их аргументы. Так и в пропаганде социализма — лозунги есть, а людей, их выдвигающих, нет. Даже отповедь сталинизму Нины Андреевой в «Правде» была анонимной!

Анонимность плохо действует не только на тех, кто пользуется, кто придумывает, но и на тех, кто воспринимает. Обезличенные формы обращения к населению — неэффективны. Личное мнение эмоционально окрашено, более человечно, и потому естественнее, критичнее и проще воспринимается. Поворот социализма к человеку предполагает, что к конкретному человеку будет обращаться не «коллективный орган», а такой же живой человек. Руководство должно быть не безликой непобедимой силой, а собранием живых, способных убеждать и изменять взгляды людей.

Прекращение анонимности — необходимый (но недостаточный) шаг для изменения отношений к социалистической теории творческой интеллигенции, широких слоев населения, зарубежного общественного мнения. Задача пропагандистских органов в таких условиях — поиск талантов по всей стране, помощь в работе, реклама их материалов, организация «шоу», чтобы подать идеи лучшим образом.

СОЦИАЛИЗМ КАК ДЕРЗОСТЬ

Собственно, социализму в его нынешнем положении больше всего не хватает талантливых людей. Реально, социализму нужны споры, увлеченность, пробы, пусть ошибки, но яркие, ореол реального дела.

Рациональная апология, подсказывающая, что и кому сказать в определенной ситуации — скучна. Нужна апология нового типа, побуждающая к действиям, привлекающая не к вере, а к работе. Теория социализма существует лишь как оств, который надо наращивать. Необходима разработка многих, в том числе конкурирующих, моделей.

Апология нового типа должна избегать спокойных, нивелирующих фраз и оборотов. Текст должен быть шероховатым, заставляющим останавливаться, задумываться. Он должен быть занозистым, провоцирующим к спорам. Чем больше людей скажет о тексте: «Да, все правильно» (не говоря уже о людях, не видящих в нем значимых мыслей), — тем хуже для апологии. Чем больше людей захочет поспорить с ее положениями, тем лучше.

Апология не должна возносить каких-то людей, как абсолютных корифеев, или какие-то идеи, как бесспорно верные. Напротив, следует подчеркивать открытость учения и готовность все подвергать сомнению. Должно стать догмой, что ссылка на Маркса и Ленина не является доказательством правильности суждения.

Апология должна убеждать людей, что участвовать в социалистическом движении интересно и доступно каждому желающему. Но приобщение к нему не должно требовать санкций на госу-

дарственном уровне или рассуждений о государственном благе. Глупо приучать думать о дожде не как о событии, связанном с вопросом брать или не брать зонт, а как причине задержки «косовицы хлебов». Для каждого есть возможность реальных дел и поступков в социалистическом движении. Прежде всего это реализация моральных устремлений, таких, как благотворительность, милосердие и т. п.

Апология не должна быть слащавой, сытой, уютной. Задача апологии не утешение обиженных, не демонстрация покаяния за прошлые грехи, не вызывание чувства успокоенности, почти всегда переходящего в зевоту и сонливость. Цель настоящей апологии состоит в том, чтобы привлечь талантливых, убедить сомневающихся, вызвать желание что-либо делать.

Задача апологии — не развить веру, а побудить к действиям. К напору действий. Надо зажечь молодежь новым, необычным для нее делом — бороться за социализм.

БЫТИЕ НА ГРАНИ

Беседы с философом
Владимиром БИБЛЕРОМ

Корр. Проблема включения нашей страны в мировую политическую жизнь и мировое хозяйство становится уже на уровне рабочих программ. Не пора ли составить и ясное представление о нашем включении в мировую культуру? Должны ли мы «стать Европой», как говорят одни (Л. Баткин, например), или «стать самими собой», как требуют другие? Где грань мирового и самобытного? Как удержаться нам на этой грани?

В. Б. Придется начать издалека. В начале XX века Российская империя находилась в очень сложной ситуации, попав в эпицентр деколонизационных процессов, начинавших тогда нарушать стабильность в мире. В ней уже назревали феномены решающего судьбы истории диалога культур Запада и Востока, включая сюда и разнородность самих Востока и Запада. Но понимала ли тогда Россия, что с ней происходит? Начиная с XIX века, в России спорили именно о социальной революции — а начинался определяющий сдвиг культур. Именно тут, в России, начинался тот колоссальный мировой поворот, который покончил с идеей простого движения от низшего к высшему, обнаружив равноправие, одновременность и насущность общения всех культурных спектров.

Уже сосуществование в России Европы и Азии для культуры XX века очень существенный момент. Невозможность выбрать в пользу, скажем, европейского спектра — против азиатского — ведет к углублению осознания их связи. Они оказываются одинаково необходимы для интеллигента — не в силу одной только либеральной терпимости — а в силу внутренней насущно-

сти для меня всякого «чужого» голоса. Но существенно, на мой взгляд, что само это сопряжение в одном сознании культур Запада и Востока есть феномен европейской культуры, может быть, — ее смысл. Не случайно, в русской культуре в те годы начинались европейский авангард и великое поэтическое обновление.

И революция наша могла быть не только и не столько актом социального конфликта буржуазии с пролетариатом, сколько моментом этого уникального культурного сдвига в типах и возможностях диалога культур. Но одновременность двух поворотов — «серебряный век» и тут же, поверх и поперек его, классовый антагонизм на уровне XIX века, — привела к роковой аберрации. Две разные революции слились в одну. И это привело к неслыханной драме невозможных нравственных отжествлений.

Однако в истории России, этого необходимого участника Европейской полифонии, всегда прослеживалось и нечто другое — стремление отторгнуть от себя дух Европы, замкнуться в самой себе. Но стоит нам замкнуться в себе и — кто мы? Европа — не Европа, Азия — не Азия... Пока страна живет на грани межмировых конфликтов, ее культура тоже является всемирной. Но как только Россия претендует на исключительность и подвергает гонениям это европейское, межкультурное, диалогическое бытие — она хуже всякой «азиатчины», она дичает...

Корр. Кажется, мы уже достаточно одичали. Не следует ли прислушаться к мудрому совету «стать Европой»?

В. Б. Что значит «стать Европой»? Русская культура всегда была частью

Европы. Не простым фрагментом, а именно самостоятельным насущным европейским голосом, в отрыве от которого ни французский, ни немецкий, ни английский «голоса» также не являются европейскими. Невозможно представить и русскую культуру вне внутреннего диалога с культурами Англии и Франции, без бытия на грани этих культур, но верно и обратное. Без Достоевского, Толстого или Пушкина сама Европа окажется «неевропейской». Русская культура предельно и творчески погранична. Образ нашей культуры — Пушкин, невозможный вне его русско-французской просвещенности.

Трагическим событием XX века является другое — то, что в России от европейской культуры остался и был услышан только один из европейских голосов, а именно, голос марксизма (не Маркса) с его резко характерным отношением к прочим якобы «предисторическим» голосам европейской традиции. Европейское духовное целое в области общественной мысли было урезано: вот «враг», вот «свой», вот носитель истины, вот зловредно ошибающийся... Новые, сегодняшние споры, увы, обнаруживают новую попытку забыть о себе как о европейской культуре, вновь вернуться к каким-то докультурным феноменам.

Корр. «Du passé faisons table rase»? —

«Из прошлого сделаем чистую доску»?

В. Б. Да... Либо симметрично наоборот: возродим некое прошлое, отринув весь этот мерзкий европеизм, с его буржуазным обывательским хламом... Кстати, и в этом угадывается некая опасная интонация истории русской культуры. Опираясь на невероятное, предельно высотное напряжение духа, она отосилась с изрядным пренебрежением к тому, что называла «мещанством», «здравым смыслом», «бюргерским духом» — к умению нормально торговать, нормально работать, нормально жить. Жить своим «сегодня». А вот для весьма утонченного Томаса Манна было очень важно утверждать бюргерский дух терпимости к другим воззрениям,

дух компромисса и взвешенности, без которых самый разум теряет всякую разумность, становясь дикой взвинченностью. Даже в прекрасной пушкинской речи Достоевского возникает странный мотив: мы выше других, потому что только мы всечеловечны. Тогда, быть может, других вовсе не надо?! Раз мы всечеловечны и всех поняли и в себя включили — зачем они вообще, — эти другие, недостаточно «Всечеловечные?»

Но здесь существенен и социальный поворот. В реальной земной общественной жизни у всех людей, сообществ, дружеств — свои собственные неповторимые жизненные цели и смыслы. Только в согласовании и сообщении этих смыслов формируется некое таинственное равнодействие истории. Надо отрешиться от представления, будто у страны, у общества может быть одна цель, и все должны ее разделять, ради нее жить, трудиться, будто общество, будущее можно строить и перестраивать как избу, завод...

Корр. Но это, скажут нам, точка зрения гуманитария — а люди живут в реальной — социальной, экономической ситуации...

В. Б. То, что происходит в XX веке, и в первую очередь на Западе, — связанное с так называемыми «тихими революциями» — научно-технической, революцией свободного времени, — я бы назвал формирование принципиально новых типов социальности. Формированием социума культуры. Точнее — своеобразных полисов культуры, потому что нельзя сказать, что это одна какая-то всемирная, по западному аршину строящаяся культура. Как греческие полисы были самостоятельными, и вместе с тем принадлежали миру Эллады, так и эта «полисность» нового социума культуры крайне существенна. Я бы сказал, что сегодня основным конфликтом человечества не является конфликт социализма и капитализма, — тем более, что, на мой взгляд, то нормальное, органичное общество, которое мы начинаем сейчас развивать, будет, пусть — своеобразным, но модусом единой промышленной цивилизации

(Maschinerie) на излете своего существования.

Тем временем, даже и на основе того, что мы называем НТР, возникает принципиально другой социум. И можно сказать, что решающий конфликт накануне XXI века — это конфликт социума **промышленной цивилизации** (с гигантскими системами заводов, предприятий, концернов) и **социума культуры**. Количественно гигантский мега-социум промышленной цивилизации, конечно, гораздо больше, мощнее, он воздействует на политику, по его ранжиру строятся все политические системы. Это гигантская сила.

Но вместе с тем, возникает то, что физики называют силами «слабого взаимодействия». Из завода, из фабрики, из электростанции, которые по-настоящему (не на словах) автоматизированы, работник выключается и становится — как Маркс давно предвидел — вне этих машинных стыков, рядом с ними. Но становясь «рядом», он уже не часть производства, не «винтик» и не «рычаг». Он вступает в динамичные малые группы («невидимые колледжи») людей, свободно общающихся между собой в этой стране, между странами, между континентами. Между веками.

Корр. Но Маркс определял этого человека как «контролера» и «регулирующего» и только.

В. Б. Маркс рассматривал этот процесс на фоне промышленной цивилизации XIX века; пусть нечто сильно изменяется, но изменяется **по отношению к производству**. Сейчас процесс пошел вглубь и в иные измерения. Оказывается, то, что ранее было только маргинальной сферой особых форм труда («всеобщего» — в терминологии Маркса — научного, художественного...) теперь становится — только начинает становиться! — **основной формой человеческой деятельности и общения**. Все большее число людей мыслит, чувствует, живет (иногда и не подозревая об этом) в социуме малых групп, иначе говоря — в социуме культуры. Деятельность осуществляется людьми, связанными (и объединенными) всеобщей индивидуальной связью, замкнутой на самоустраемленность моего сознания. Это — переписка, выставки, компьютер-

ная информация, диалог между людьми разных регионов. И еще — это временные и также динамичные связи в экспериментальных коллективах, — цехах, лабораториях. Такое общение все более оказывается решающим (Япония, Европа, США) для всего производства и — для всей духовной жизни. Но это как раз то самое общение, которое всегда осуществлялось в **культуре, вокруг произведений культуры**. Обочина становится средоточием всей жизни людей. Кстати, по расчетам экономистов, к началу XXI века в непосредственном «мега-производстве» останется: в США — 5%, в Японии — 10% трудящихся.

Итак, повторю: деятельность, направленная на изменение собственного сознания и мышления, деятельность свободного времени — свободного от извне заданных норм — становится основной сферой человеческого бытия. Но, конечно, это страшно острая и мучительная вещь, потому что культура свободного времени еще не сложилась, она только «в зачатке». Эксцессы первой «революции свободного времени» — 1968 год — легко осудить, легко осмеять, легко и возвести на пьедестал. Но это явление нового типа социальной жизни, а культурно жить в свободном времени мы еще не можем, не умеем, и это приводит к диким вспышкам насилия и преступлений. Но взглянем на другую сферу социальных изменений.

Сама эпоха крушения социальных, политических и прочих структур, мировые войны, деколонизация, тоталитарные режимы, гигантские концлагеря, означает, что сознание человека складывается не в каких-то социальных нишах, раз и навсегда данных на всю жизнь, но — в малых, на свой страх и риск формируемых содружествах, — в окопах мировых войн, на нарах концлагерей. Люди — беженцы, вышибленные из своих домов. Лишенные своих устоявшихся социальных детерминант. Постоянное изменение бытия высвобождает суверенность сознания, духа, предполагает совершенно новую форму мышления.

Далее. В XX веке обнаруживается, что нельзя вбить, втиснуть, вместишь жизнь, в смысл жизни идею прогрес-

са, восходящего перехода от одной формации к другой, от одного типа культуры к другому, более высокому, от средневековья к буржуазности, от буржуазности к социализму. Нельзя сказать, что средневековье выше античности; это разные типы духовной деятельности, разные типы разума: эстетическое, эйдетическое разумение — в античности; причащающее мышление — в средневековье, познающий разум — в Новое время. Сейчас формируется разум диалогический... Разные типы разума «топятся» в одном духовном пространстве; разные типы ценностных и культурных спектров сопрягаются между собой, предполагают друг друга. Сегодня нельзя быть и евроцентристом в старом смысле слова. Восточные и африканские спектры ценностей тоже оказываются не низшими, но диалогически, полифонически сопрягаемыми в сознании современного человека. Человек не может выбрать ни в ту, ни в другую сторону; все эти культуры именно в своем **общении** для него насущны. Деколонизация обнаружила, что нельзя рассматривать Восток, Африку, Азию или Австралию просто как низшие ступени — ни в социальном, ни в каком-то другом плане. Это разные типы социумов.

Корр. Нельзя ли подобно утверждение истолковать как апологию деспотических режимов — в Африке, на Ближнем Востоке?

В. Б. Сегодня деспотические режимы на Востоке рушатся с меньшей быстротой, чем деспотические режимы на Западе. Они попытались быстро возродиться в странах так называемой «социализации» и быстро показали свою нежизнеспособность. Феномен культуры всегда был антидеспотичен. Расчет на деспотические режимы сегодня рушится повсеместно. Потому что не может быть самостоятельной Азии, самостоятельного Востока, который бы стал (как некогда) мобилизовывать гигантские массы «исполнителей» на ирригационные или другие строительства. Такой Восток сегодня не нужен. Идеи типа негритюда тем и страшны, что они представляют возможность исключить Запад. А изгнание «западного» из культуры Азии и Африки порождает тотали-

тарный режим, который саму африканскую культуру (которая как культура может существовать только на грани западной) исключает.

Корр. Однако современный деспотизм также «усваивает передовой опыт»; он вооружен не только европейским оружием, но и европейской аргументацией — например, концепцией демократии как власти большинства — и «негритюд», о котором вы упомянули — это европейский романтический популизм, ряженный в африканские одежды...

В. Б. Вы затронули очень важный вопрос. Я предполагаю, что демократия в собственном смысле, особенно современная демократия, — не просто ориентация на точку зрения большинства населения, но и понимание того, что меньшинство сильно именно как **меньшинство**, как малая группа, как особое культурное средоточие. Нам необходимо сопряжение и суверенность малых социально-культурных сил и направлений. Согласование их проектов и программ. Но как только эти малые ядра раздуты до «большинства», они потеряют свою первозданность особой малой группы — как **данного** журнала, **данного** направления.

Демократия возможна, если каждое из этих направлений способно себя самоосознать, даже довести до максимализма **свою** точку зрения, но не настаивая, чтобы та стала государственной или «общепартийной». Если же, к примеру, орган печати будет объявлять себя «органом народа» — это означает возврат к тоталитаризму, потому что кто может и вправе отвечать за народ?

Сейчас часто говорят о плюрализме, и употребляют при этом совершенно бессмысленное выражение «социалистический плюрализм». Ведь это предполагает особую, абсолютную разумную группу людей, которая решает, что «социалистично» и что «несоциалистично». Получается, что общество разделено на две части: одна — это ясновидящие, которые знают, что такое социализм и где его пределы, а другая — невежды, которых следует «просвещать»... Это — исходное уничтожение всякой возможности нашей демокра-

тизации, не говоря уже о запрещении самого спора, — социализм ли у нас, и в нем ли будущее? Решение задано!

Причина этого, впрочем, ясна. Боясь, как бы разные социальные и культурные интересы не вошли между собой в непримиримый конфликт, начальство вырабатывает тот априорный консенсус, который несет на себе печать монополии политического мышления. Но беда в том, что у нас этот политический расчет выдается за вообще истинный способ мышления. Хотят, чтобы и философы, и теоретики мыслили (даже в своем деле), как политики. Чтобы рабочие мыслили, как директора. Нет, рабочие должны рассуждать, как «продавцы своей рабочей силы» (во всяком случае — и как продавцы своей рабочей силы). Тогда и директора-менеджеры будут рассуждать, как хорошие директора. Это — разные способы бытия и разные способы мышления.

И — это хорошо, это — плодотворно. Если навязать всем одинаковость интересов, — не будет ни производства, ни рынка, ни культуры. Конечно, такая спешка к «консолидации» понятна. У нас так плохо с экономикой, так плохо с экологией, так плохо с культурой, что хочется все побыстрее исправить. И предполагается, что для этого необходимо, чтобы все думали одинаково, — как руководители государства, то есть, как чистые политики. Сразу же начинаются стереотипные агитационные «недоумения»: «Как эти армяне не понимают, что они мешают перестройке?». Или: «Рабочие нам пишут — на наш завод не поступает столько-то нужных деталей. Чем же они в Армении занимаются?» Но, может быть, русский рабочий должен в первую очередь подумать о социальной солидарности с ереванским забастовщиком?

Ничего у нас не получится, пока руководящее политическое мышление оказывается исходно определяющим, до всякого спора и реального компромисса. Все заранее известно: вот — правые; вот — левые; вот — золотая середина. Она также предварительно назначена сверху. Это — линия сговорившихся между собой (где? как? когда?) политических руководителей.

Представители других социальных, мировоззренческих, культурных направлений и интересов заранее распределены направо и налево. Между тем, люди иных оценочных спектров столь же необходимы — во всей своей крайности — как и «единомышленники».

Скажем, резко и четко выявленный консервативный способ мышления очень понятен и очень нужен в общественной жизни. «Я хочу жить вот в этом укорененном быту, не хочу ни перестраивать ни переделывать свое историческое бытие. Мое настоящее — это туго уплотненное прошлое». Так вот, такое, даже резко консервативное, умонастроение, — это что — плохо? Или — хорошо? Это — «мещанство»? Думаю все же, что это — необходимый (вовсе не снимаемый «золотой серединой») голос в нашем социальном разноречии. И этот голос должен политически конституироваться, напряженно состояться во всей своей культурно-политической самостоятельности. Да, консерватор верен своему прошлому, он — подданный «прошедшего времени», он хочет, чтобы все осталось, как было. Здесь даже и такое: человек прожил всю жизнь в идеях сталинизма — отказаться от этих идей, этих идеалов значит для него отказаться от своего прошлого, изменить ему (?). А это страшно нелегко. Знаю многих людей моего поколения, которые с ужасом смотрят на настоящее, в котором они оказались какими-то «пособниками». Не говорю о палачах и доносчиках; эти роли невозможно было «играть» — никогда и нигде — без утраты своего внутреннего Я. Говорю о житейско-безгрешной верности исторически катастрофическому идейному миру. Даже такой консерватизм — реальный и необходимый голос в современном диалоге культуры.

Насуточно отвечать и на такой отчаянный возглас: «Неужели я всю свою жизнь прожил неверно, зря, впустую? Я не могу иначе!»

Ведь ответ без вопроса не имеет смысла. Ведь глубинная культура всегда трудна и рискованна. Ведь это действительно очень мучительно и трагично понимать, что «человек всегда рас-

тет корнями вверх» (Жюль Ренар), переосмысливая и перерешая начало бытия. Полностью — лично, перед историей — за него отвечая. Да, это и есть высший смысл культуры. Так жила и погибла Антигона. Так жил и страдал Иов. Так страдал и погибал Гамлет.

Но все же, и упрямый консерватор также, как эллинский Хор, входит в спектр современной культуры. И — в спектр современной политической культуры.

Корр. Философское мышление в таком виде, как мне кажется, напрямую завязано на экономику?

В. Б. Я думаю, что, действительно, сейчас экономические и культурологические вопросы сближаются. Скажем, мы сегодня говорим о совместных предприятиях. Но это не просто частный вопрос. Это возможность уже не просто спорадической — как телемосты — культурной связи: они и мы тут совместно сотрудничаем. Обнаруживается, что разные социумы, разные экономики, разные формы культуры труда, в небольших, малых предприятиях соединяясь, оказываются вместе с тем и экономическим, и социологическим, и культурологическим стержнем, пронизывающим жизнь современного человека. Почему Япония так вырвалась вперед? Потому что она монополизировала крупнейшие концерны. И вдруг обнаружилось, что японцы сняли крышу, которая мешала учесть особенности личности каждого отдельного работника. Кроме того, быстрее смогло обновляться производство, поскольку гигантские концерны, требующие огромных инвестиций, гораздо консервативнее, гораздо неповоротливее. Сейчас задачей оказывается не столько непосредственное участие в производстве, но изменение его типа. Даже — смысла. А это возможно именно на малых и средних предприятиях. Снова — социум малых групп.

И наше общество может нормально развиваться и экономически, учитывая, что нужно не просто признать капита-

лизм как имеющий право на существование, но что полемика с его экономической является двигателем того непонятного, что мы условно называем «социалистической экономикой». Культурологический подход оказывается решающим и в собственно экономической сфере! Культура дает культурную формулу всему спектру человеческого бытия.

Но сегодня, когда все рушится, у нас нет времени рассчитывать на долгие годы, пока мы поумнеем. И именно поэтому мне хотелось бы закончить панегириком философии. Когда-то аббат Сиейес перед Французской революцией сказал: «Что такое третье сословие? — Ничего. Чем оно должно стать? — Всем». Перефразируя, скажу: «Что такое философия в нашем духовном мире? — Ничего. Чем она должна стать? — Всем». Мы обычно продолжаем или повторяем мысли наших отцов, наших предков. Но философия всегда возвращает мысль к бытию, — как к началу мысли и мышлению, — как к началу бытия. То есть показывает бесконечно — возможность самого этого бесконечного бытия. Философия развивает способность взглянуть на свое мышление, а не на часть его, со стороны. Возможность мыслить — начало мысли. И отвечать за свою мысль и свое бытие. Об этом говорили — каждый по-своему — Платон, Аристотель, Николай Кузанский, Кант, Маркс, Бердяев...

Конечно, «мир есть, бытие есть». Но философ ставит странный вопрос: а как он возможен? Я как бы отсылаю мысль к точке творения... К «миру впервые». Скажем — «социализм». Мы говорим, что он исторически создан, что выбор сделан. А я задаю философский вопрос: а как он возможен и возможен ли он? То есть возвращаюсь к тому началу, где его нет. Такое мышление сегодня необходимо экономисту, политику, поэту... Необходимо в канун века XXI.

Беседу вела **Ольга ЯРЦЕВА**

София: за нашу и вашу гласность

3 ноября 1988 года в Софии был создан «Клуб в поддержку гласности и перестройки в Болгарии». Цель Клуба — обсуждать публично, в условиях полной гласности и открытости, самые актуальные и жгучие проблемы болгарского общества, его экономическое состояние, права человека, проблемы культуры и морали. Это Клуб дискуссионный. Он осуществляет свою деятельность путем дискуссий, собраний, встреч с известными специалистами, представителями творческой интеллигенции, ответственными политическими лицами.

Среди ста десяти учредителей Клуба — виднейшие члены Союза писателей, ученые-академики, профессора и доктора наук, известные деятели культуры и искусства. Вопреки трудностям и трениям с властями, Клуб теперь насчитывает более двухсот человек.

В своей программной декларации Клуб подчеркивает, что его деятельность будет осуществляться на основе Конституции НРБ, в рамках закона и на основе закона, что его деятельность является публичной, открытой, доступной для всех и для каждого. Являясь неформальной организацией. Клуб положительно относится к другим неформалам, чьи цели, задачи и деятельность направлены на содействие перестройке и осуществляются в рамках законов страны.

Однако с самого начала Клуб не встретил понимание в официальных кругах. Еще не развернутая деятельность Клуба была квалифицирована как «направленная против основ» и «дестабилизирующая». В прессе не найти упоминание о Клубе, о его программе и членах. Между тем — факт характерный для Болгарии — основателями Клуба являются пять ветеранов партии, люди, которые были в тюрьмах и лагерях, в подполье в период 1941—1944 годов, многие члены Клуба — коммунисты. Сразу были приняты меры, нацеленные на то, чтобы вселить страх: вызовы на разговор с местными прокурорами, жесткие встречи с руководи-

телями творческих союзов, другие средства административного нажима. Все это продолжается и до сих пор.

Болгарская интеллигенция запротоковала. Руководство Клуба реагировало на каждое нарушение Закона, сделанное против его членов, обращаясь в Народное собрание, в Комиссию по охране общественных интересов и прав граждан при Национальном собрании, в общественный Комитет по правам человека, в Главную прокуратуру. Члены Клуба активно действовали в защиту поэта Петра Манолова, объявившего голодовку в поддержку чехословацкого драматурга Вацлава Хавела.

Все, что написано выше, не жалоба. Это «социальные издержки» борьбы, которую ведет Клуб. В то же время это и определенный аспект перестройки в тех странах Восточной Европы, где ключевые позиции в области социальной жизни и культуры находятся в руках командно-бюрократического аппарата и который свидетельствует об объективной необходимости таких объединений, союзов, как «Клуб в поддержку гласности и перестройки» в наших странах.

Недавно в Болгарии проходили конгрессы журналистов, художников, переводчиков, писателей, деятелей кино — при невиданном до сих пор в стране политическом и гражданском подъеме. Стало очевидным влияние членов и друзей Клуба на общественное мнение.

Хотелось бы добавить, что и на западе Клуб получил уже некоторую известность. В январе этого года его члены вместе с другими болгарскими деятелями литературы и культуры были приглашены на встречу с Президентом Франции Франсуа Миттераном, который был гостем болгарского правительства. Эта встреча была освещена широко в печати — увы, западной.

О Клубе появляются статьи и информации в «Монд», «Либерасьон», «Фигаро», «Гардиан», в Польше (в газете католиков), в Венгрии... К сожалению, до сих пор нет публикаций о Клубе в советской печати — ни в газетах, ни в журналах.

Профессор Иван Николов,
г. София, НРБ.

Москва: вместе

К нам обратилась Лига свободных демократов (Венгрия) с предложением выступить в качестве координатора советских клубов, общественных движений и групп, желающих принять участие в международной конференции, намеченной на осень 1989 года в Будапеште. Целесообразность и полезность предстоящей конференции определяется, на наш взгляд, следующими соображениями.

Сегодня в Восточной Европе складывается качественно новая, уникальная ситуация. Впервые в истории народы всего нашего региона могут взять свои судьбы в собственные руки. Впервые их голоса начинают звучать отчетливее и громче, чем голоса тех, кто долгие годы пытался, — а кое-где все еще пытается, — говорить и управлять от их имени.

В этот чрезвычайно сложный и ответственный момент истории более чем когда-либо важно, чтобы голоса наших народов звучали в унисон, чтобы наши творческие силы не были бесплодно растрачены на попытки перекричать друг друга или выплывавать на обочину столбовой дороги истории, — дороги, достаточно широкой для того, чтобы на ней хватило места для всех. Между тем, подобная опасность существует, потому что национальные и социокультурные проблемы и противоречия, естественные для такого региона, как Восточная Европа, здесь многие десятилетия не решались, даже и публично не обсуждались, а лишь загонялись вглубь. Было бы трагедией, если бы теперь, выплеснувшись наружу, эти противоречия захлестнули процессы демократизации и социально-экономических перемен, или хотя бы нанесли им серьезный ущерб.

Мы исходим из того, что наши народы будут быстрее и увереннее двигаться по нему рука об руку, вместе. Не строевым шагом, не единообразной армейской колонной под руководством одного «начальника», но вместе. Необходимой предпосылкой движения к этой цели является налаживание по-

стоянного обмена мнениями между демократическими силами и организациями восточноевропейских стран.

Восточная Европа не может развиваться изолированно, она является неотъемлемой частью Европы и всего мира. Поддерживая шаги, предпринимаемые в последнее время правительствами по постепенному преодолению раскола Европы, мы в то же время считаем, что эти шаги должны быть дополнены мощным и массовым движением «снизу». Проблемы, непосредственным образом затрагивающие судьбы народов, должны решаться при прямом участии народной дипломатии.

С учетом всех этих соображений, клуб «Демократическая перестройка» приветствует предложение о проведении осенью 1989 года в Венгрии международной конференции демократических организаций и движений региона. Мы предлагаем сформировать повестку дня конференции следующим образом:

1) Разработка совместной программы мер по ликвидации нынешнего раскола Европы;

2) Предотвращение возможных конфликтов в области межнациональных отношений. Проблемы, вытекающие из столкновения глобальной тенденции к интернационализации с возрождением национальных чувств и национального достоинства, особенно малых наций. Проблемы обеспечения равенства и прав национальных меньшинств в Восточной Европе.

Обращаясь к потенциальным участникам будущей конференции, мы пользуемся случаем вновь подтвердить нашу солидарность с людьми, подвергающимися преследованиям за ненадлежащие выступления в защиту идеалов свободы, демократии и национальной независимости. Наши симпатии на их стороне вне зависимости от их национальности, равно как и национальности тех, кто их притесняет. Их борьбу мы рассматриваем как нашу собственную борьбу.

**Клуб «Демократическая перестройка»,
Институт экономики мировой социалистической системы, г. Москва.**

Слова и санкции

ВЕНСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ И БУДУЩЕЕ

ЦЕНЗУРЫ В СССР

Нужда средств массовой информации СССР в правовых гарантиях не требует доказательств. Гласность, вернувшая голос ряду центральных изданий и телепрограмм, остается политикой: она провозглашена, но не подкреплена законодательно. Оттого и ход ее испытывает заметные, подчас опасные, колебания. Чернобыль, Сумгаит, Тбилиси — хрестоматийные уже примеры сбоя гласности, манипуляций ею, что заостряло и усугубляло кризисы, увеличивая число человеческих жертв.

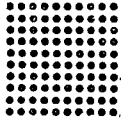
Подготовка Закона о печати до последнего времени велась параллельными курсами: закрыто — в ведомственных кулуарах, и открыто, рядом общественных групп, в том числе, в юридических кругах. Центральный пункт спора — это предварительная цензура, извечный враг журналистики. Подписание Венских документов, однако, ставит ее будущее под вопрос.

Во встрече, запись которой вам предлагается, принимало участие более тридцати сотрудников советской печати, юристов, публицистов, иностранных корреспондентов. Встреча была организована редакцией нашего бюллетеня совместно с Общественным советом «Вена» и клубом «Московская трибуна». Мы публикуем фрагменты выступлений юристов Юрия Батурина и Михаила Федотова, публицистов Юрия Карякина, Андрея Нуйкина, Людмилы Сараскиной, журналистов Алексея Панкина («Международная жизнь»), Александра Левикова («Литературная газета»), Евгения Ефимова («Горизонт»), Елены Зелинской («Меркурий»), Анатолия Беляева («Век XX и мир»), Глеба Павловского (общественный совет «Вена»), Виктора Монахова (Общественная венская группа «Ленинград»).

А. БЕЛЯЕВ. Недавно наше правительство, как и другие правительства — участники Венских соглашений, подписав документы, утверждающие по ряду вопросов приоритет международного права над государственным, взяло на себя обязательства поддерживать инициативу отдельных лиц, формальных и неформальных объединений по контролю за реализацией соглашений. Мы собрались сегодня, чтобы представить наши взгляды на свободу печати, и поднять целый ряд вопросов, которые касаются нас и профессионально, и как членов общества.

Я обращаюсь прежде всего к присутствующим здесь юристам, авторам инициативного проекта Закона о печати, который опубликован в четвертом номере журнала за этот год. Есть ли вообще смысл в существовании Закона о печати — разве не достаточно просто конституционного указания о свободе печати?

М. ФЕДОТОВ. В обществе, где у населения и должностных лиц развито правовое сознание, можно обойтись и без закона, одними процедурами. Мы же до этого еще не доросли, у нас на всякую гласность нужно разрешение,

и чем более детально мыотрегулируем порядок создания средств массовой реализации права на информацию, тем надежнее будет гарантия, что средства массовой информации смогут работать. Если мы обойдемся декларацией, то это ничего не даст.

А. НУЙКИН. Надо как-то разграничить вопросы. Раз уж мы обсуждаем, чем положено жену бить, ремнем или палкой, почему бы не рассмотреть и такую возможность: вообще не бить?!

По отношению к цензуре каждому цивилизованному человеку полагается занять одну позицию, и она в истории культуры давно обозначена: никакой политической цензуры вообще! Думаю, в будущем Законе надо зафиксировать, повторить этот запрет. Мы понимаем, что декларация не сразу утвердится. Но это — позиция, и она должна оставаться неизменной. Это принцип, а в отношении принципа никакого компромисса быть не должно. Компромисс возможен только в практике.

И здесь важно сформулировать презумпцию открытости информации. Речь о том, чтобы заранее оговорить сферы, разделы, которые подлежат запрету. А презумпция открытости должна состоять в том, чтобы все ведомства, организации, заинтересованные в сохранении тайны, сами доказывали, что их конкретные сведения подлежат сокрытию, а не наоборот, — когда мы просим разрешения на любую публикацию.

Ю. БАТУРИН. Есть постановление СНК СССР от 27 апреля 1926 года об утверждении перечня тем, являющихся государственной тайной. Он — меньше страницы, но если возникают разногласия с цензурой, есть только одно место, куда можно обращаться с жалобами на любые злоупотребления в СССР — здание ЦК КПСС на Старой площади. Но это не правовой путь, это — челобитная. То есть с точки зрения юридической, печать беззащитна, бесправна.

Л. САРАСКИНА. Цензура осуществляется по системе сигнализации. Цен-

зор берет верстку и просто ставит напротив строчки восклицательный знак. Это является сигналом для «компетентных органов»: тут что-то не в порядке! Но что не в порядке, не знает никто. На всякий случай, что-то меняют. И нельзя взять резинку и стереть знак. Эти восклицательные знаки производят у главных редакторов сердечные спазмы.

М. ФЕДОТОВ. Моя статья «Больше свободы, выше ответственность» была опубликована в газете «Московские новости» 23 октября прошлого года, а написана за год до того. В статье поставлен вопрос: уживаются ли цензура и гласность? Она очень долго не доходила до номера. Шесть раз стояла в полосе, и пять раз ставился восклицательный знак. Но капля точит камень — с шестой попытки статья вышла.

Е. ЗЕЛИНСКАЯ. Так сложилось, что я уже два года работаю в условиях бесцензурной печати. И я на собственной практике отлично знаю, чего это стоит — жить без цензуры. Работая без цензуры, я поняла, что когда правительственный надзор ослабнет, мы окажемся перед лицом нового прессинга: общественного. Эта зависимость, которая отражается и на репутации журнала, и на авторском составе, и на собственной возможности его издавать, будет намного жестче. И мы не готовы к тому, что государственная цензура, может быть, всего лишь отражение нездорового состояния мнений, имеющихся у реального общества.

События последних лет в нашей стране называют иногда «революцией журналистов». И в этом есть немалая доля истины: журналисты и писатели, ушедшие в публицистику, словом, как тараном, пробивают стену общественного молчания. Гласность, конечно, не панацея от всех бед, свалившихся (вдруг?) на наше многострадальное отечество. Но именно она стала действенным оружием в этой серьезнейшей битве за выживание. И толку было бы значительно

больше, если бы это не была спущенная сверху, дозированная «свобода», отпуск которой прекращается именно тогда, когда в ней острее всего нуждаются. Гласность должна перестать быть делом личного мужества журналиста или редактора, стать нормой жизни, гарантированной законом.

Г. ПАВЛОВСКИЙ. Судьба гласности в данной ситуации не подходит под модель «капля точит камень». Потому что страна идет от кризиса к кризису. Эти кризисы развертываются не постепенно, а на протяжении недель и дней, угрожая в случае, если мы с ними однажды не справимся, нашей цивилизации. И ждать, пока у нас возникнет цивилизованная цензура, мы не можем. Мы что-то должны делать.

Цензура особенно опасна ныне, как инструмент манипуляции. Манипуляции — это всегда плохо, даже в обществах, где знают, что почему. Но манипулировать страной в момент революции — самоубийство. Это конец всякой политики: интриги, клики, слухи, паника, скандальные разоблачения — и вместо политиков, разоблачители в роли вождей народа. Мы можем оценить сегодня риск сосуществования двух информационных полей, которые практически очень мало взаимодействуют между собой. Есть так называемая гласность, которая реализуется рядом органов массовой информации и ТВ и которая является по отношению к происходящим фактам не информированием, а ритуалом. То есть гласность является переводом реальности на язык невнятных двусмысленных формул. Этот новый вид двоемыслия, более массовый — более рискованный для страны, для общества и даже для властей.

Сегодня мы официально сообщаем, что освещение прессой весной прошлого года событий в Закавказье было неправильным и «наверное, сыграло какую-то роль» в обострении конфликта. Но сегодня нам уже это не нужно — погибшие преданы земле. Боюсь, это еще не последние жертвы нашего греха: неуважение к собственной сложности, страх перед реальностями...

Независимая пресса — ее по старинке называют Самиздат — развивается бурными темпами. Она находится в свя-

зи с официальными средствами массовой информации, но на них не оглядывается. И помешать ей невозможно. В Прибалтике она сегодня вышла на поверхность, и там возник единый информационный контекст.

И, с моей точки зрения, совершенно недопустимый феномен, что публикации прибалтийской прессы рассматриваются как иноземные издания, то есть их, практически, запрещено распространять на территории СССР.

Как и гласность, цензура имеет ряд уровней. Главлит является одним из них — некоей формой исполнительной власти внутри всей общесоветской цензуры. Следующий уровень — цензура редакторская, и, наконец, существует автоцензура.

Существует также новое для нас явление — цензура, осуществляемая обществом: общественностью, местными движениями. В Закавказье она ощутима, ощутима уже и в Прибалтике, где органы, контролируемые массовыми движениями, не только не будут публиковать того, что не соответствует их концепции, но и не дадут передать информацию, в которой не заинтересованы. Пресса и тут обязана воздержаться.

Процесс институирования свободы печати в СССР — это процесс борьбы с манипуляцией сознанием. Мы обязаны формировать общественные институты полной свободы информации таким образом, чтобы они достраивали складывающиеся государственные институты гласности.

Тут я вижу два пути поведения. Один путь — это принятие журналистами некоей хартии, признающей неотъемлемыми и очевидными положения, не выполняющий которых не может работать в печати, и не может быть терпим в обществе журналистов. Выработка этой хартии, путь ее признания, согласия с ее положениями — это некая общественная деятельность, к которой нужно приступать.

Мы разобщены. Каждое издание воюет в одиночку. Отсутствие поддержки может стать роковым. Время от времени то «Московским новостям», то «Огоньку», то «Веку» угрожает нечто большее, чем изъятие того или иного материала: изменение политики

издания, то есть его смерть под видом преобразования. С «Учительской газетой» так и произошло, при почти полном молчании прессы (протестовало лишь «Новое время»).

И есть более практический путь. Каждый журналист находится в постоянной тягбе со всеми видами цензуры. Мы должны информировать об этой деятельности, причем информировать не время от времени, а ежедневно. Для этого должна существовать информационная сеть, которая позволяла бы оперативно оповещать всех журналистов в стране и за ее пределами об антиконституционной деятельности ведомств, работников Главлита и редакторов по отношению к материалам. Сами эти материалы должны независимо доводиться до сведения общественности. В этом, думаю, нам помогут и независимые издания, которые уже сегодня выходят тиражами в тысячи экземпляров. Среди них есть и такие, которые ведут себя более ответственно, более конституционно, чем иные официальные издания.

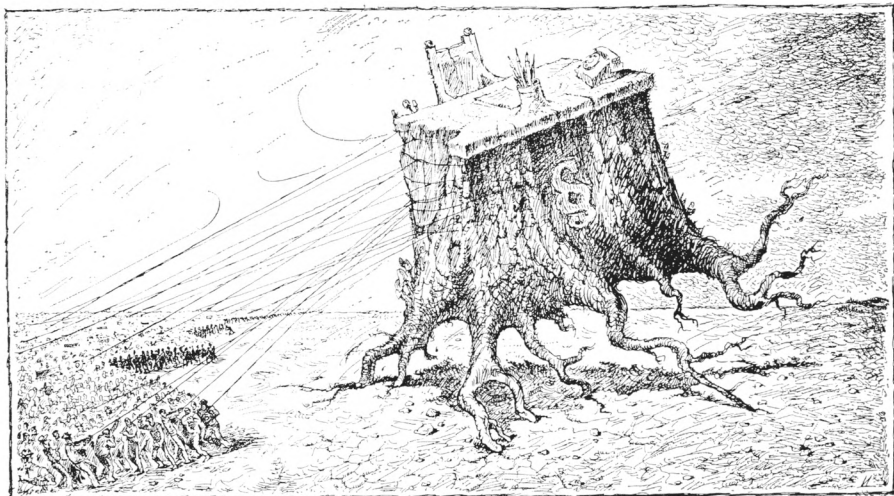
Мы можем обратиться к регионам СССР, где уже сегодня реализована статья Конституции СССР о свободе печати — к Прибалтике — с интернационалистским предложением: помогите

другим республикам! Что невозможно говорить в Минске, то можно печатать в соседнем Вильнюсе.

А. ЛЕВИКОВ. Является ли газета партийным органом, не является ли формально партийной, как «Литературная газета» — контроль над печатью в нашей стране осуществляет ЦК КПСС. Когда в «Литературной газете» было собрание, на котором ученые-экономисты докладывали свои программы о переводе «ЛГ» на полный хозрасчет, было сказано, что мы переводим газету на вторую модель хозрасчета. Но при этом фонд заработной платы установлен ЦК КПСС — в таком-то размере, в связи с таким-то постановлением.

Я встал и сказал: «Что за чепуха? Какой может быть хозрасчет, если фонд зарплаты заранее определен? «Литературная газета» не является газетой ЦК КПСС, значит, ЦК не может ни с какого боку вмешиваться в дела «ЛГ». И я не признаю возможности и права давать нам всякие установки идеологического порядка, — пусть их дает Союз писателей».

Все больше расширяется зона монополии над печатью. Почему «Строительная газета» должна быть партийной? Почему «Учительская газета» недавно объявлена газетой ЦК КПСС? Почему

«Советская культура» должна быть газетой ЦК КПСС? В Москве я насчитал десять партийных газет. То есть — принадлежащих партии официально. И эта экспансия набирает темпы. Мало того, что газеты официально становятся партийными — формально непартийные газеты, как «Литературка», «Труд», «Советский спорт», и этим газетам редакторов назначают в ЦК. Это проявление крайне вредного, антиконституционного положения, которое я определяю как монополия партийной власти. Я вообще-то против записи в Конституции положения о руководящей роли. Но есть же разница между самой формулой «руководящая роль» и — монополией!

Руководящая роль — это роль дирижирующего диктатора при играющем оркестре. Это — своя власть экономическим структурам, власть закону, власть общественным структурам и т. д. А что такое монополия? Когда партийная власть назначает, устанавливает, какой срок дать, кого судить, что сажать, что сеять, что печатать. Я дважды или трижды выступал в печати против монополии такого рода.

У нас нагромодилось в голове много разных стереотипов. Например, что редакция является государственным предприятием. Идеология сплошного огосударствления всего — все является государственным. Государственным является Большой театр, государственным является детский сад! Это одна из страшных трагедий нашего общества. Мне кажется, что спасение как раз на пути как можно большего разгосударствления жизни.

И если мы перестраиваемся всерьез, должна быть полная свобода печати. Я не понимаю, как в условиях провозглашения гласности могут существовать официальная и подпольная неофициальная печать, вроде журнала «Реферendum»? Журнал должен выходить и распространяться совершенно легально, открыто. Почему за несколько лет существования нашей перестройки не родилось ни одно легальное независимое издание?

У нас объявляется гласность, некая линия на демократизацию, а неформальные объединения по-прежнему существуют вне гласности, вне диалога, вне

участия в средствах массовой информации. Прибалтика является здесь некоторым исключением.

Гласность и свобода печати разные вещи. Гласность — это то, что дозволено сверху. Я вообще не могу ни одну газету или журнал, издающиеся типографским способом, назвать свободной печатью. Свободы печати нет, и она не возникла еще за годы перестройки. Свободная газета, это та газета, которая сама определяет, что ей публиковать. Нам, журналистам, известно: то редакторов, то заместителей, то ведущих отделами собирают и инструктируют, что и как надо делать.

И мы, журналисты, сужаем зону гласности по старой привычке воспринимать официальное или неофициальное желание, как запрет, понимаем буквально. А надо писать то, что считаешь нужным. Надо давить на своих редакторов. Нужно выдвигать требования коллектива о публикации тех или иных вещей. Журналисты должны пользоваться возможностью; если не в одном, так в другом месте, но все-таки материал напечатать.

А. ПАНКИН. Можно, видимо, говорить о нескольких видах ограничений на свободу информации в нашем обществе. Первый из них — ограничения, существующие в любой стране. Они связаны с государственной, военной, коммерческой, медицинской тайной, этическими нормами и т. п. Я полагаю, что в общем объеме информации, не доходящей до потребителей, доля этих сведений наименьшая.

Другой род ограничений исходит от тех, кто опасается, что чрезмерно раскачавшаяся лодка может пойти ко дну, и надеется, что через контроль над информацией он сможет отложить решение каких-то проблем до более благоприятного времени. Такая политика срабатывает, когда вы досконально знаете ситуацию и можете просчитать ближайшие и, с какой-то долей вероятности, отдаленные последствия такого способа управления информацией. В других же случаях она превращается в средство сокрытия ошибок, и лишь обостряет положение. В результате румпель державного корабля утрачивает соприкосновение пусть и с бушующей

щей, но все же реальной политической стихией, и повисает бессильно в воздухе. А тут уж как ни крути штурвал, как ни меняй местами членов экипажа, толку будет чуть.

Третий вид ограничений — цензура идеологическая, или цензура мнений. Догматики считают, что многое из того, что сегодня пишется, говорится, снимается на пленку, подрывает устой, составляет отход от основополагающих принципов. Когда это в их власти, они запрещают такую информацию. Подобное поведение для них естественно, это органичная часть того мировоззрения, которое они считают правильным. Задним числом становится понятным, что неспособность трезво оценивать реальность — одна из причин того упорства, с которым идеологические консерваторы рыли себе могилу все четыре года перестройки. Но мы не хотим разделить ее с ними.

Четвертый вид — ведомственная цензура, или цензура фактов. Здесь преобладает не столько запрещение распространения информации, сколько ее непредоставление. Главные мотивы — понимание, что когда выяснится истинное положение дел в экономике, экологии, обороне, станет очевидной вопиющая некомпетентность, а главное, ненужность или даже вредность большого числа звеньев управленческого аппарата. В этом слое куда меньше угрюмых монстров, чем в предыдущем; в нем есть умные обаятельные люди, с которыми приятно разделить застолье,

посокрушаться о том, как трудно идет перестройка. При всем при том, эти симпатичные люди в массе — раба своего положения в структуре политической и экономической власти.

Данный слой представляет собой, может быть, единственную эффективную саморегулирующуюся систему нашего общества, с развитым чувством опасности и инстинктом самосохранения. В отличие от идеологических цензоров, они не суетятся и не паникуют, нутром чувя, что сосредоточение общества на эмоционально-болезненных вещах отвлекает энергию от проблем действительно первостепенных для сегодняшнего дня. Они уверены в своей силе. Вы подумайте — журналисты, общественные и даже государственные деятели чуть ли не голос сорвали за четыре перестроечных года и всем надоели вопия: «Дайте достоверную статистику! Обнародуйте долю военного производства в национальном доходе!» Результаты же в лучшем случае половинчатые, в худшем — близкие к нулю.

Я думаю, что если вы хотите найти противников радикальной перестройки, то это будут те, кто осуществляет цензуру мнений и цензуру фактов. И в последнее время у меня все чаще создается впечатление, что ограничения свободы информации — это не ошибки от недостатка опыта, а линия на дестабилизацию положения в стране.

Вообще, мне кажется, что у нас весьма архаичное представление о роли секретности как средства обеспечения без-

опасности. Японский бизнесмен, который делает миллионы на внедрении идей, почерпнутых из наших рубрик «Сделай сам» или «Маленькие хитрости», вносит куда больший вклад в создание военной мощи, чем все капиталистические разведки мира вместе взятые, норвежские уворовать у нас, скажем, рецепт выплавки какой-нибудь танковой брони.

Степень открытости общества, его интегрированности в мировые информационные потоки, способность производить и усваивать новую информацию — важный показатель жизнестойкости в условиях научно-технической революции. Не буду распространяться об этих самоочевидных вещах, скажу лишь, что смешно даже заикаться о стремлении выйти на передовые рубежи прогресса, пока ксероксы хранятся за стальными дверями и запрещается производство множительной техники на рынок.

Следовательно, нам нужна государственная информационная политика, которая была бы ориентирована на максимально поощрительный режим в получении, производстве и распространении информации. Юридическая основа такой политики — Документ Венской встречи. Необходимо приведение наших порядков в соответствие с этим документом. Опубликованный в «Веке XX» проект Закона о печати представляется мне соответствующим букве и духу этих договоренностей. Принцип предварительной цензуры едва ли совместим с данными обязательствами.

В заключение скажу следующее. Можно понять, почему у нас существует всепроникающая цензура, и даже восхититься тем, с какой великолепной самоуверенностью она действует. Но восхищаясь, не грех помнить и о том, что шкурный эгоизм правящих кругов, их неумение поступиться сословными, ведомственными и прочими привилегиями не раз в истории приводил к взрывам, кончавшимся физическим уничтожением верхов, без разбора правых и виноватых. Требование свободы информации — не вопль либерала, начитавшегося Джона Стюарта Милля, а императив выживания страны на пороге нового тысячелетия...

Е. ЗЕЛИНСКАЯ. Основная мысль, про-

звучавшая на съезде литовских журналистов: наше время — это время редакторов. И вопрос о том, до какого уровня гласности может подняться издание, решает каждый редактор. Это вопрос личного выбора.

А. БЕЛЯЕВ. Я хотел бы поделиться опытом работы в бесцензурном журнале. В последние два года получилось так, что мы работали при автоцензуре. Это дало нам свободу выбора политики издания: мы определяли ее со своими авторами. И свобода выбора сделала свое дело. Благодаря такому коллективу политических единомышленников, мы получили своего читателя. У нас в два с лишним раза увеличилось число подписчиков. И никакой рекламы мы не делали, считая, что сами материалы будут лучшей рекламой. Сегодня меня волнует, как быть дальше. Ведь если отдадут наши материалы об армии или о КГБ главлитовскому цензору, он пошлет их в те же военные или внутренние органы. А кто захочет, чтобы пропустили материалы, нацеленные против его ведомства? То есть мы имеем худшую из цензур — ведомственную цензуру.

Цензура в любом варианте есть ложь. Она заставляет лгать и редактора, и автора, и, в конечном итоге, всех.

Е. ЕФИМОВ. Мне часто приходится сталкиваться с цензурой. Сейчас книжечка ограничений, действительно, похудела, но телефонное право действует всюю. Цензура не поставит своей визы до тех пор, пока какие-то проблемы не будут согласованы в определенных партийных органах. Скажем, никаких ограничений по национальным проблемам в цензурной книжечке нет. Но если есть высказывания по национальным отношениям, их надо согласовывать. Мы поставили в номер материал Р. Д. Орловой-Копелевой, в котором затрагиваются национальные отношения, и я ездил в подотдел, согласовывал. А недавно у нас сняли старую статью Л. К. Чуковской «Гнев народа». Ни под одно из ограничений, записанных в книжечке, эта статья не подпадает. Но в ней упоминается А. И. Солженицын, а существует распоряжение такие материалы снимать.

Восклицательными знаками, обведениями помечаются те места, на публи-

кацию которых, по их мнению, нужно разрешение сверху. И мы ездили в идеологическую комиссию, где было сказано, что материал надо снять. Думаю, не только из-за упоминания Александра Исаевича. Дело в том, что Лидия Корнеевна еще в 73-м году вскрыла механизм манипулирования общественным сознанием и показала, как у нас провоцируется «гнев народа». Наши возражения, что снятие материала получит совершенно ненужную огласку, что нелепо, восстановив Лидию Корнеевну в Союзе писателей, запрещать статью, из-за которой она была исключена, не подействовали.

Говоря о методах воздействия, приведу высказывание в мой адрес: «Коротича не снимут, потому что будет шум. А вы исчезнете без следа!»

Здесь говорилось о польском опыте, что там делают ссылку на закон, на основании которого сделано изъятие. У нас возникла мысль сделать что-то подобное на месте нескольких абзацев о Солженицыне, которые вызвали наиболее резкое возражение: девять строк точек, и внутри фраз — эпитеты. И сделать сноску, что опущенные могут отчасти заменить слова из письма Бориса Можаява, которое опубликовано в № 1 журнала «Век XX и мир». И поэтому я задал вопрос: «А перепечатать уже появившийся в «Веке XX и мир» письмо Бориса Можаява и «Жить не по лжи» Солженицына можно?» «Нет, — сказали нам — эти публикации проскочили по недосмотру. Они считаются несуществующими».

Е. МОНАХОВ. Еще во время перестройки Александра II дебатировался вопрос о том, как понимать гласность. И Н. Г. Чернышевский в одной из статей 1862 года писал, что «так называемая гласность» на самом деле есть бюрократическое извращение того, что мы понимаем под свободой слова. Оказывается, критика гласности прозвучала еще более ста лет назад.

В одном из номеров журнала «День» был опубликован инициативный авторский законопроект о книгопечатании, который вызвал большой общественный резонанс. Цензура практически отменялась, по внесении 100 рублей в казну каждый мог издавать, что хочет. И пре-

следования за возможные преступления в области публичного слова — только по суду. Но в законопроекте говорилось, что в наших условиях обычные суды не смогут справиться с подобными правонарушениями — нужны специальные суды. Может быть, стоит взять этот столетней давности опыт на вооружение и попытаться поставить перед директивными органами вопрос о возможности создания таких судов со специальной юрисдикцией? Мне кажется, с учетом российского, советского и польского исторического опыта стоит опробовать этот канал, чтобы противоборствовать системе цензурирования.

М. ФЕДОТОВ. Цензура — это раковая опухоль. Там, где она существует, она рано или поздно поражает все общество. Цензура была учреждена 6 июня 1922 года как маленькое учреждение с крохотным штатом. И руководитель цензуры назывался «заведующим». Эта организация должна была цензурировать литературу, которая выпускается только частными издательствами. Но как всякая раковая опухоль, она начала поражать весь организм, и к середине 30-х годов у нас цензуру проходило все: надписи на форфоре, надписи на нарукавных повязках, бланки, канцелярские книги, визитные карточки и прочее.

Я полностью солидарен со словами Карла Маркса: цензура так же, как и рабство, никогда не может стать законной, даже если бы она тысячекратно облекалась в форму закона. Радикальным излечением цензуры было бы ее уничтожение, ибо негодным является само это учреждение.

Желательно предотвратить, а не привлекать к ответственности, говорилось здесь. Хорошая идея. Но цензура — это вожжи. Сейчас вожжи немножко отпустили. Мы уже мотаем головой. Но в любую секунду эти вожжи могут натянуть, мы сначала встанем на дыбы, а потом обречем привычку ходить под седлом и дальше. Нужно эти вожжи просто ликвидировать. Иного пути нет. Потому что сегодня мы говорим, что государственная тайна — это устройство самолета, завтра — положение в Закавказье, а послезавтра — состав колбасы.

Ю. КАРЯКИН. Аргументы в таких спорах, к сожалению, не играют никакой роли. История доказала, что вопрос о цензуре это, в сущности, вопрос о диагнозе больного общества. Вопрос в том — нужен ли нам правильный диагноз или пышные похороны? Поэтому мне представляется чрезвычайно важным приоритет общечеловеческих ценностей — главное, быть может, единственное завоевание перестройки. Приведение нашей системы в соответствие

с мировыми, общечеловеческими ценностями — наш серьезный шанс.

Один высокопоставленный чиновник ЦК лет пять назад, когда я делал статью на эту тему, проявляя мужество, дал мне из-под полы Манифест Энштейна-Рассела. Манифест, который был запрещен у нас — цитировать нельзя было. Поэтому мне кажется, то, что затеяно в этой редакции, не заговор, а союз людей здравого смысла. Быть может, это и есть та капля, что точит камень.

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■

■ XX CENTURY AND PEACE ■

■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

